

HAL
open science

Как переводить Фёдорова на французский язык

Françoise Lesourd

► **To cite this version:**

Françoise Lesourd. Как переводить Фёдорова на французский язык. Философия общего дела. Материалы Международных научных чтений памяти Н.Ф. Фёдорова, 2022. ⟨hal-03879990⟩

HAL Id: hal-03879990

<https://univ-lyon3.hal.science/hal-03879990>

Submitted on 30 Nov 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

КАК ПЕРЕВОДИТЬ ФЕДОРОВА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Ф. Лесюр
Университет г. Лион
lesourdfr@free.fr

В статье рассматриваются основные трудности, которые возникают при переводе текстов Федорова на французский язык, в лексическом и синтаксическом планах. Тут занимают большое место стилевые особенности, но, пожалуй, главная сложность в том, что ключевые слова часто не имеют эквивалента по-французски и нужны дополнительные объяснения, чтобы они были понятны французскому читателю. К тому же некоторые обороты используются Федоровым, учитывая их древнерусский смысл, и перевод должен передать этот первичный смысл. Факт, что Федоров явно хорошо знал французский язык, не облегчает труд переводчиков, поскольку он иногда играет обоими оборотами: например, когда речь идет о Страшном суде (по-французски .последний суд.), нужно иметь в виду, что он может играть обоими выражениями. Но передать французской публике такую значительную сторону русского духовного наследия — большое удовлетворение.

Ключевые слова:
перевод сочинений
Н.Ф. Федорова, французский
язык, проблема передачи
смысла, проблема понимания.

HOW TO TRANSLATE FEDOROV INTO FRENCH

F. Lesourd
University of Lyon
lesourdfr@free.fr
Here we examine some
of the main difficulties
that arise when translating
Fedorov's texts into
French, on the lexical and
syntactic levels. Besides
stylistic peculiarities, the
main difficulty is that the

essential words often have no equivalent in French, and require explanations to be understood by the French reader. Moreover, certain expressions are used by Fedorov taking into account their meaning in Old Russian language, and the translation must also convey this primary meaning. The fact that Fyodorov obviously knew French well does not make things easier, because he sometimes plays on both expressions, Russian and French. But presenting to the French public such an important part of the Russian spiritual heritage is a great satisfaction.

Keywords:

translation of N.F. Fedorov's works, French, the problem of meaning transmission, the problem of understanding.

Как переводить Фёдорова на французский язык

Сейчас готовится первое во Франции большое (предполагается двухтомное) издание основных текстов Фёдорова. Идея такого начинания принадлежит швейцарскому издательству Les Syrtes, уже хорошо известному франко-говорящей публике множеством своих публикаций в области русской литературы и православной духовности.

Масштаб этого предприятия (800 страниц) – только первая из всех трудностей, с которыми сталкиваются переводчики. Им предстоит ознакомить французскую публику с наследием крайне оригинального мыслителя, своеобразие которого проявляется прежде всего в языковом плане. Тут играют определённую роль и стиль, и ключевые понятия – термины, иногда довольно необычные даже по-русски, – и порой неожиданные словесные обороты.

Стиль поражает постоянным стремлением к максимальной дотошности : во фразах появляются всё новые и новые придаточные предложения, неподходящие (надо признаться) для

среднего читательского восприятия. Безусловно, не так уж редки и во французской литературе авторы с определённым пристрастием к удлинённым фразам – вспомним, например, Пруста –, но у Фёдорова тип изложения совершенно особый. Как это было хорошо сказано в выступлении « Язык Н.Ф. Федорова как объект описания в персональной энциклопедии философа-космиста » Наталии Козловской и Ларисы Шестаковой, стиль Фёдорова отвечает определённым когнитивным задачам : не передать весь конкретный процесс, при котором постепенно проясняются эти задачи, – значит пройти мимо неповторимого мыслительного своеобразия.

Более того, эти стилевые особенности неразрывно связаны с определённой позицией автора, со всей подосновой его великого проекта (вернуть к жизни все предыдущие поколения, и населять космические пространства) : как известно, Фёдоров был человеком исключительной эрудиции (по свидетельству современников), но несмотря на это, он поставил себе целью быть голосом « неучёных », говорить как бы от их имени. То, что может показаться некоторой неуклюжестью речи, на самом деле выражает это стремление. Поступательность дискурса, частое напоминание того, что уже было сказано, так же как и обильные повторения – всё это создаёт как бы коллективный образ своего рода двуединого автора.

Переводчик, который сознаёт и закономерность этих стилевых особенностей и в то же время опасность сделать текст неприемлемым для французского читателя, часто находится перед трудным выбором, и к сожалению ему приходится идти на компромисс, удаляясь от движения русской фразы, иногда обрывая её – но обязательно сохраняя (или стремясь сохранить) всю информацию исходного текста. Тут кстати очень помогают местоимения, к которым особенно охотно прибегает французский язык – они естественно предохраняют от чрезмерной повторяемости. Вводные выражения (« можно сказать », « как было сказано »...), обрывающие дискурс и в некоторой мере мешающие восприятию, могут быть переставлены или в начало или в конец фразы, где они не препятствуют целостному восприятию изложения.

Но основная трудность для переводчика – некоторые ключевые понятия, и в первом ряду тот термин, который содержит в себе весь проект Фёдорова : слово « воскрешение ». Дело в том, что по-французски Воскресение Христа и воскрешение Лазаря передаются одним и тем же

словом (« *résurrection* »). Правда, в XIII веке, по-видимому, существовало отдельное слово, соответствующее слову « воскресение ». Это слово : « *ressuscitation* ». Оно в словарях объявлено « редким » или « вышедшим из употребления ». Оно два раза, кстати, встречается у Бодлера. Интересно, что, судя по определению одного из словарей, это редкое слово как раз передаёт один из главных оттенков фёдоровского « воскресения » : оно означает « действие, возвращающее к жизни субъекта, находившегося в состоянии видимой смерти ». Ведь Фёдоров не раз подчёркивает, что мы фактически не знаем сущность этого явления – смерти, – что его реальности подлежат сомнению, и его видимые аспекты требуют изучения.

Тем не менее, по-французски это крайне редкое слово, никогда сейчас не употребляющееся. Как мы могли в этом убедиться, оно вызывает у образованного читателя сильную отрицательную реакцию. Кроме того, оно выражает действие, обозначаемое глаголом « воскресать » – а как правило, русский язык предпочитает существительное, сформированное на основе глагола, с дополнением в родительном падеже, там, где французский язык предпочитает глагол (инфинитив), с дополнением в винительном падеже. В процессе перевода перестановка такого оборота делается почти автоматически. Поэтому выход из положения, казалось бы – систематически обращаться к выражению « *ressusciter les morts* », чтобы передать слово « воскресение ». Таким образом сохраняется идея действия, совершаемого Богом, но и человеком – в последнем случае передаётся идея « имманентного воскресения », где человек становится соучастником Божьего проекта для мира. И не нарушается нормальный строй современного французского языка.

Однако, приходится сознаться, что в этом простом словесном обороте, « *ressusciter les morts* », теряется известное измерение фёдоровского выражения. Ведь речь идёт не только о возвращении мертвых к жизни, но и о том, что они с этого момента делаются бессмертными (что между прочим даже не относится к Лазарю). Более того, становясь бессмертными, они тем самым возвращаются в состояние изначального совершенства, в котором они находились до падения : воскресение совершается « чрез всех сынов человеческих, достигающих божественного совершенства (« Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен ») в деле, в труде восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения ».

Кроме того, это вновь обретенное совершенство неотделимо, в концепции Фёдорова, от способности « жить во всей вселенной, дав возможность роду человеческому населить все миры ». Возможности возрождённых, совершенных существ, расширяются до пределов космоса, открывают им доступ к самым отдалённым мирам. Эти три аспекта неразрывно связаны в концепции Фёдорова – а в этом смысле французское выражение « воскрешать мертвых » (« ressusciter les morts ») в конце концов слишком узко, оно не отражает в полной мере весь масштаб фёдоровского проекта, подразумеваемый в понятии « воскресение ».

Но и по-русски, кажется, данное слово, взятое отдельно, без дополнения, не совсем обычно. Говорить о « воскресении мертвых » не представляет собой ничего необычного. Зато, использование термина « воскресение » без дополнения не совсем стандартно. Можно сказать, что это своего рода слово-символ, отражающий исключительный характер « общего дела », то и дело напоминающий о совершенно особом измерении фёдоровского замысла. Лексическое окружение этого слова показывает, что оно равняется « искуплению », « избавлению от всех зол », « возвращению всех утрат », « объединению »... Оно считается « выражением культа предков », и, главное, оно объявляется « делом », « всеобщим делом », характерным для православия, в противоположность « делам » католичества и « спасению только верой » протестантизма. У Фёдорова в его грандиозном « испытании религий », воскресение как всеобщее дело является критерием, отличающим православие от всех других исповеданий, обосновывающим его роль примирителя и объединителя всего человечества.

Этот ключевой термин встречается иногда по двадцать раз на одной странице – поэтому легко себе представить остроту проблемы для французского переводчика, если вспомнить, что самый точный французский эквивалент (« la ressuscitation ») звучит странно, и даже дико, для уха просвещённого читателя. Правда, французский язык как правило избегает повторений одного и того же слова благодаря местоимениям, но это только часть решения. Факт, что с одной стороны использование этого термина Фёдоровым неординарно даже в русском языке, и что с другой стороны по-французски существует некий эквивалент, хоть и крайне редко используемый, указало нам на возможное решение этой задачи : когда слово употребляется Фёдоровым без дополнения, мы себе позволяем ввести этот необычный французский термин

(имея в виду, что местоимения всё-таки спасают от его излишнего повторения), а там, где оно выступает в самом обычном окружении (« воскресение отцов », например), оно естественно переводится глаголом (инфинитивом) с дополнением (« ressusciter les pères »). Тем самым выявляется достаточно чёткий переводческий критерий, который предохраняет от произвола в выборе терминов.

Другая сложность в переводе Фёдорова состоит в том, что некоторые термины сознательно употребляются у него с учётом их древнерусское значение, не отменяя однако их современный смысл. Один из самых ярких примеров, пожалуй – слово « печалование » : тут и печаль (нередко оно встречается рядом со словом « сокрушение »), и древний смысл, « забота » (родители – « печальники »). Правда, во французском языке существует слово, которое почти сочетает оба эти значения : l'inquiétude, s'inquiéter de... Но оно недостаточно передаёт идею печали ; приходится уточнить, дополнить прилагательным, чтобы передать всё смысловое содержание этого слова у Фёдорова.

Со словом « крёстный отец » переводчик сталкивается с неожиданной, скорее забавной проблемой. Дело в том, что точный перевод, французское слово « parrain », имеет второе значение – в среде мафии, оно обозначает главу какой-нибудь семьи (в широком смысле), или вообще какой-нибудь мафиозной группы или организации. Это второе значение настолько навязчиво, что оно фактически исключает использование этого слова, делает его как-то неудобным. Поэтому тут просто приходится постоянно прибегать к более сложному и довольно высокопарному выражению « восприемник от купели »...

Игры слов у Фёдорова постоянны, они расширяют смысл, иногда играют определённую роль в общей смысловой организации текста. Как известно, игра на слове « мир » – один из любимых приёмов Фёдорова. К тому же автор нередко имеет в виду не только оба основных значения слова, но и третье значение, крестьянскую общину. Переводчик должен учитывать многоплановость дискурса, или в самом тексте, когда это возможно, или в примечаниях. Встречаются, случаи, к сожалению очень редки, когда точный перевод какой-нибудь игры слов даётся переводчику, как подарок : например, у него в статье III-его тома « Роспись наружных стен храма во имя двух ревностных чтителей живоначальной Троицы – греческого и русского, –

при котором находится музей или библиотека », встречается слово « сутолока » (шумная, суетливая толпа, характерная для современного города), как противопоставление « крестьянским толокам » (разным видам крестьянских добровольных общих мероприятий, в разряд которых входит например построение обыденных храмов). Оказывается, эта игра слов довольно легко передаётся французскими выражениями « remue-ménage » и « faire bon ménage » : « la cohue de la foire, de la bourse, le *remue-ménage*... complet opposé des paysans qui *font bon ménage*, de l'entraide collective et surtout de la coutume qui consiste à *construire en un jour une église votive* ... ». Но такие случаи к сожалению очень редки. Чаще всего приходится пользоваться двумя словами там, где всё было сказано одним и тем же словом, и тем самым делая текст более тяжёлым.

По-видимому, Фёдоров отлично владел французским языком, он хорошо знал не только литературу, но и французских утопистов, современные социальные теории. Например у него встречается слово « порнократия » – придуманное Прудоном. Но и у самого Фёдорова множество нововведений, составленных на основе французских слов, как например « патрофикация », или « депатриация ». Что касается этого последнего слова (« лишить родины, родства »), между прочим, автор видит положительный признак для России в том, что формирование такого термина потребовало обращения к иностранному языку. Иные нововведения, кстати, прекрасно могли бы вернуться обратно в тот язык, откуда они были взяты. Например, процесс, противоположный секуляризации, назван у Фёдорова « религиозизация ». В принципе, ничего бы не помешало использовать слово « religionisation » в современном французском языке.

« Страшный суд » по-французски звучит как « последний суд » (le Jugement dernier). По крайней мере, в одном месте автор совмещает русское и французское словоупотребления. В III-ой части *Записки от неучёных...*, мы читаем по поводу нового типа общественного договора, придуманного новейшими французскими мыслителями (« la justice réparative »), который имеет целью исправить ошибки прошлого и восстановить полную правду по отношению к прошедшим поколениям : la justice réparative « очевидно, силится достигнуть христианского искупления [...], а в конце концов устраивает последний суд, хотя и не страшный »...

Но чаще всего двусмысленность, с которой переводчик обязательно должен считаться, исходит из самого русского языка, и редко когда можно обойтись без специального примечания. Например, в той же III части *Записки от неучёных...*, речь идёт о собирании русских земель, и о том, что это собирание осуществлялось « выниманием душ из уделов » – переселением определённой части населения. Но тут неизбежно приходит на ум выражение « всю душу вынул », и не без основания : за этим следует оговорка, что уделы были сами виноваты, так как « ознаменовали себя усобицами » и « души их не были чистыми ». Здесь не обойтись без примечания переводчика, тем более, что трудно не видеть в этих словах какую-то не до конца выраженную симпатию к Ивану Грозному – во всяком случае, симпатия к Макарию не раз открыто высказывается по ходу изложения.

Хорошо известно, что текст Фёдорова весь пропитан литургическими терминами. Всё изложение настолько связано с православным обрядом, что от читателя, не осведомлённого в этой области, может ускользнуть целый существенный пласт дискурса. Иногда Фёдоров описывает часть литургии, не называя её – считается, что читатель знает, о чём речь. Например в IV части *Записки от неучёных...*, мы читаем, что « Литургия же состоит в том, что берут прах предков в виде хлеба, из хлеба вынимаются части, называются по имени, наполняются вином, и затем претворяются в тело и кровь... » Тут обязательно приходится уточнить для французского читателя, что имеется в виду определённая часть литургии, проскомидия, после чего упоминается пресуществление. Этот аспект текста, пожалуй, самый сложный для переводчика. Трезвость заставляет признаться, что никогда нельзя быть полностью уверенным, что не прошёл мимо скрытой цитаты какой-нибудь части литургии.

Особое место в размышлении Фёдорова отводится таинствам, которые сопровождают главные этапы жизни каждого отдельного человека и всей общины : в превращении литургии из внутрихрамовой во внехрамовую, таинству отводится центральное место. То, что было тайной внутри храма (когда каждый спасается в отдельности, когда вера – дело не общее), должно стать открытым, явным, во внехрамовой литургии. По мере того, как литургия выходит за рамки храма и наполняет собой всю жизнь, таинство из таинственного делается явным, и литургия превращается в богодействие, теургией. Поэтому, важно обратить внимание на

возможность ударения на « а » в слове « таинственный » – что означает « относящийся к таинствам », и уже не обязательно « таинственный » (с ударением на « и »). Это второе значение, с более редким ударением на « а », засвидетельствовано у Даля. Такое едва уловимое перемещение ударения, казалось бы мелкая деталь, на самом деле выражает существенную сторону фёдоровского проекта. Переводчик должен с этим считаться, подчёркивая этот смысловой вариант.

Среди ключевых слов, представляющих особую трудность для переводчика, можно выделить слово « отеческое » (« отеческое дело »). Ведь форма термина сама по себе ничего не говорит о подлежащем : имеется ли в виду дело, порученное отцами, т. е. первоначально их дело, или дело, посвященное им? Можно предполагать, что в этом обороте оба значения как бы слиты в одно : это устраняет всякую пассивность со стороны отцов, несмотря на то, что они действительно становятся объектом действия сынов. Но как передать по-французски весь смысловой объём этого выражения? Мы пока не нашли решения, полностью удовлетворительного ; приходится передать то субъективное, то объективное значение, всё-таки сохраняя таким образом оба аспекта, но в отдельности друг от друга.

Тут только несколько примеров трудностей, с которыми сталкивается переводчик в этой работе. Насыщенность фёдоровского дискурса поражает на каждом шагу, и главное – не лишить его своей характерной многоплановости.

Наконец, что касается самой организации тома, наша книга, конечно, отличается от русского издания. Примечания автора после каждой главы конечно сохранены - кстати, по французскому обычаю, дополнения, написанные автором, скорее будут названы « комментариями » (« commentaires »).

Примечания издателя или переводчика не переносятся в конец книги, а помещены в сносках, под основным текстом. Правда, для лучшей читабельности изредка кое-какие примечания самого автора нашли место и в сносках (когда они имеют непосредственное объяснительное содержание, как например примечания, касающиеся Никона, или Сергия Радонежского). Но каждый раз непременно указывается, чьё это изложение – автора ли (тогда

без особого знака), или издателя (N.d.E.), или переводчика (N.d.T.). Это общее правило установлено в самом начале книги, и о нём напоминает в начале каждой части.

Несмотря на все трудности, хочется надеяться, что основная информация фёдоровского текста будет сохранена. По мере того, как работа подходит к завершению, переводчик испытывает одновременно чувство большого удовольствия и большой ответственности, осознавая, что ему приходится преподнести французской публике необычайно масштабный комплекс очень своеобразных текстов, и в них целый континент русской мысли.

Литература

Федоров 1995–2000 — Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. / Вступ. ст.

С.Г. Семенов; сост., коммент. А.Г. Гачевой, С.Г. Семенов. М.: Издательская группа .Прогресс.; Традиция, 1995–2000.